

**КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА «ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА – ТЕКСТ»
В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ**

О. И. Алтухова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 17 января 2018 г.

Аннотация: на материале англоязычных и русскоязычных поэтических текстов рассматривается языковая реализация концептуальной метафоры «ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА — ТЕКСТ». Диахронический анализ выявляет увеличение количества слотов метафорической модели и рост лексической вариативности в русской поэзии; английская традиция демонстрирует противоположную динамику. Для русскоязычных текстов характерна высокая детализация области источника и отсутствие базовой лексики-прототипа. В англоязычной поэзии преобладают фиксированные концептуальные структуры, вербализуемые ограниченным набором языковых средств. В обеих выборках отмечается влияние религиозного дискурса.
Ключевые слова: концептуальная метафора, когнитивная поэтика, лингвопоэтика, стилистика.

Abstract: the article focuses on the linguistic representation of the conceptual metaphor "HUMAN LIFE IS A TEXT" in Russian and English poetry in a diachronic perspective. While the former is characterized by greater conceptual complexity and gradual expansion of the source domain, English poetry demonstrates an opposite trend towards fossilization of the schema. Accordingly, a wider range of linguistic means is used to verbalize the metaphor in Russian; a marked influence of religious context is observed in both samples.

Key words: conceptual metaphor, cognitive poetics, linguistic poetics, stylistics.

Предложенная в начале 1980-х гг. Джорджем Лакоффом и его последователями теория концептуальной метафоры за несколько десятилетий стала одной из основополагающих в когнитивной лингвистике. Для ее сторонников метафора – присущая человеческому мышлению ментальная операция, лежащая в основе модели мира, которая свойственна человеку как биологическому виду и/или как носителю культуры. Согласно данной теории, метафора создается благодаря рассмотрению понятия, принадлежащего более абстрактной понятийной сфере («области цели», target domain), в терминах более конкретной («области источника», source domain). Последняя обладает структурой (image schema), состоящей из ячеек информации («слотов», slot) и организующей данные источника доступным для понимания образом благодаря метафорической проекции [1, с. 35]. Соотношение двух областей, варианты заполнения слотов и их историческое развитие и составляют предмет данного исследования.

Созданная на материале обыденной речи теория концептуальной метафоры применима и к языку художественной литературы. Соответствующий инструментарий был предложен Дж. Лакоффом и М. Тернером в книге «More Than Cool Reason: A Field Guide to

Poetic Metaphor». Так, индивидуализация метафорической аналогии создается благодаря четырем стратегиям: «расширению» (extension), «усложнению» (elaboration), «отрицанию» (questioning) и «комбинированию» (combining) [2, с. 41]. Для отдельных авторов, литературных направлений и традиций характерно предпочтение тех или иных стратегий и специфический способ их сочетания.

Методология, разработанная для выделения особенностей художественного стиля, использована в данной статье, посвященной сопоставительному изучению концептуальной метафоры «ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА – ТЕКСТ» в английской и русской лингвокультурах. В работе предпринята попытка проанализировать лексические особенности ее языкового выражения и концептуальной структуры на основе английской поэзии XVI–XX вв. и русской поэзии XVIII–XX вв.

Область цели в рассматриваемой метафоре включает два варианта: жизнь человека как последовательность событий и как божественный дар. Во втором случае концептуализации подлежит исключительно роль человеческой жизни в мироздании, предначертанная свыше. Мы анализируем преимущественно эволюцию первой модели, более совместимой с областью источника ТЕКСТ согласно определению

текста как устной или письменной последовательности вербальных знаков [3, с. 520]. Следуя классификации, предложенной З. Кевечешем, в работе также выделяются большие (generic-level) и малые (specific-level) метафоры, отличающиеся уровнем обобщения [4, с. 44]. Так, метафоры «ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА – КНИГА (РОМАН, СКАЗКА)» и «ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА – УСТНЫЙ РАССКАЗ» рассматриваются как малые метафоры по отношению к большой метафоре «ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА – ТЕКСТ».

Второй (но не первый) вариант метафоры впервые возникает в Библии. Анализ смежных аналогий показывает, что сведение «текста» к судьбе индивида противоречит основному принципу библейской метафоризации – включению частного бытия в божественный замысел, в то время как полный «текст» доступен лишь Творцу («книга жизни / Агнца»). Для библейских метафор характерны: образная схема «список и элементы», нестабильность списка, вводимая глаголами write down, blot out; наличие слота «автор» (God) при возможной замене пассивом, possessивная конструкция с предлогом of и абстрактным существительным (book of life) [5]. Как правило, «текст» библейской метафоры записан, что отражает представление о сакральном характере письменности.

Сочетание book of life способствовало появлению искомой метафоры благодаря конкретизации понятия «жизнь» – от религиозного спасения, «жизни вечной», к отрезку земного бытия. В XVI–XVII вв. среди «текстовых» метафор преобладает «ТЕЛО – ТЕКСТ», а тема жизни как божественного дара звучит в классическом контексте «списка судеб». Исключением является монолог Макбета, где понятие «life» реализовано образами «playe» и «tale», приближаясь к жизни отдельного человека как последовательности событий. В отличие от библейских метафор шекспировский «текст» жизни дан устно в рамках малой метафоры «ЖИЗНЬ – РАССКАЗ»:

Life <...> is a **tale**
Told by an idiot, full of sound and fury,
Signifying nothing [6].

В XVII в. обозначилось стремление к сочетанию религиозных и «светских» – неконвенциональных – метафор, имеющих общую область источника ТЕКСТ. Возможно, вследствие этого намеченная Шекспиром аналогия возникает снова, хотя и с возвращением к визуальному, не звуковому представлению «текста жизни» как письменного труда (work):

One who writes Finis to our works
 Is knocking at the gate [7, с. 121].

Благодаря усложнению как приему (elaboration) слот «автор» заполняет персонифицированная Смерть, вводящая обозначение литературного финала (Finis). Притяжательное прилагательное сообщает стихотворению нравоучительный тон, соответствующий мотиву memento mori. Романтизм XIX в. заменяет Бога – богами, а благой миропорядок – враждебным, снимая нравоучительность:

Shadows, and skeletons, and fiendly shapes,
 Thronging round human graves, and o'er the dead
Sculpturing records for each memory
In verse, such as malignant gods pronounce.
 Blasting the hopes of men [8, с. 69].

Даже в XX в. полной индивидуализации субъекта «литературной деятельности» высших сил не происходит – возможно, из-за связи с религиозным дискурсом. «Индивидуальность» реализуется лишь при сдвиге от «предсказания» жизненного пути к «хронике»; оценка может выражаться эпитетом:

Alive I have been far off in all lands under the sun,
 <...> but when **my story is done**
 my fame shall spring up and laugh [9, с. 254].

But here's a **haughtier text**,
 The labyrinth of her days [10, с. 33].

Хронологический аспект допускает обогащение метафоры элементами, принадлежащими области истории (record, annals). Мотив летописания ранее встречался в смежных метафорах; возможность переноса косвенно подтверждается комбинированием рассматриваемой метафоры с другими традиционными вариантами (ПРИРОДА / МИР – ТЕКСТ):

In the **legend of man** shall see
Writ large what small I saw
In my life's; tale both agree.
 As the **record** from youth to age
 Of my own, the single soul –
 So the **world's wide book: one page**
Deciphered explains the whole
 Of our common heritage. <...>
 So, **my annals** thus begin:
 With body, to life awoke
 Soul <...>
So reads my record: thine,
 O world, **how runs it?** [11, с. 215]

Иная стратегия комбинирования допускает замену источника на «нотную тетрадь», выходя за пределы вербального:

The **passionate pages of his early years**,
Fraught with hot sighs, sad laughters, kisses, tears;
Fresh-fluted **notes**... [12, p. 304]

Обратимся к русской поэзии. Отсутствие общедоступной русской Библии ограничило распространение библейских оборотов (в XIX в. основным изданием остается церковнославянская «Елизаветинская Библия» 1751 г.). Несмотря на высокую частотность лексемы «книга» в церковнославянском переводе, в литературе начиная с XVIII в. наблюдается вариативность, поскольку архаичный текст не воспринимается как возможный источник цитирования в светских целях. На русском, как и на английском языке, искомым вариантом метафоры зафиксирован позже, чем аналогия «ЖИЗНЬ КАК БОЖЕСТВЕННЫЙ ДАР – ТЕКСТ». Наиболее популярным жанром для определения жизни как последовательности событий оказывается роман, что отражает тенденции в развитии языка: согласно данным Национального корпуса русского языка, всплеск употребления слова «роман» и его производных наблюдался между 1795 и 1805 гг., когда сам жанр приобрел актуальность для русского общества [13]. Снижение частотности в последующие десятилетия связано с окончательным усвоением слова и явления; именно тогда рождается хрестоматийный пушкинский образ:

Блажен, кто праздник жизни рано
Оставил, не допив до дна
Бокала полного вина,
Кто **не дочел ее романа** [14].

Оттенок предопределенности остается неотъемлемой частью метафоры. Два базовых слота, «автор» и «читатель», могут быть имплицитно обозначены без прямого обозначения процесса чтения и названия его участников (автора и читателя/адресата), например:

Что есть жизнь наша? – **сказка**.
А что любовь? – ее **завязка**;
Конец печальный иль смешной.
Родись, люби – и бог с тобой! [14]

Постепенно метафора развивается в сторону детализации. Так, в следующем отрывке чтение эксплицитно описано, читатель обозначен личной формой глагола:

Бросаю полные восторга очи
На **свиток, писанный судьбы рукой!** [14]

В отличие от одической метафоры XVIII столетия, предлагающей варианты заполнения слота «автор»,

модель XIX в., как правило, лексически ограничена «судьбой». Связь с предшествующими структурами усложняется за счет дополнительных коннотаций или варьирования элементов области источника (например, замены «книги» на «свиток», заимствованный из одической традиции XVIII в., но используемый для намеренной архаизации):

Моей судьбы унылый **свиток**
Ты **развернула и прочла** [14].

Просто **совется свиток** звездный,
если **дочитан** – до **конца** [14].

Обратное движение к использованию современных реалий обозначается в XX в. Тогда же уходит идея предопределения, предписывающая человеку роль пассивного читателя «текста»: за ним признается «авторство» собственной жизни. Возрастающая детализация контрастирует с угасанием метафоры в англоязычной поэзии, где отмечается сокращение количества слотов и падение популярности самой модели. На русском языке, напротив, возможны разнообразные комбинации, в том числе слияние двух вариантов метафоры, «спонтанной последовательности» и «заранее составленного плана» – как в следующем стихотворении:

В нем Я – твое – **герой** любимый,
Ведь каждому судьбою дан
Единственный, неповторимый
Нравоучительный **роман**.

В нем дни – как **чистые страницы**,
И от сердечного толчка
Кровавой **записью** струится
В **романе** каждая **строка**.

Проходят, словно **главы**, годы,
И неуклонно, словно рок,
События все и **эпизоды**
Развязывает **эпилог**.

Никем не признанный **писатель**,
Ты непонятен никому,
И твой единственный **читатель**
Уходит с **автором** во тьму [14].

Последовательность введения обоих вариантов (вначале СУДЬБА, концептуализируемая как «роман», затем создаваемая с нуля ЖИЗНЬ) указывает на активность лирического героя, одновременно принимающего и творящего судьбу как читатель и автор. Отметим изобилие слотов: кроме «автора»

и «читателя» вводятся «элементы книги как материального носителя» – строки, страницы, переплет; «содержательные элементы текста» (эпизоды, эпизод, герой). В поэзии XX в. находится место новым реалиям – печатная машинка, превращающая рукописный «текст жизни» в печатный (с сохранением традиционной схемы «движение к финалу»):

Жить на свете / не века,
и / время, / этот **счетчик** быстрый,
к старости / **передвигает**
дней исписанных **регистры** [14].

Таким образом, в русской поэзии наблюдается сложная структура области источника, большое количество слотов, увеличивающееся от XVIII к XX в., отсутствие лексемы-прототипа наподобие английского book, в то время как в англоязычных произведениях количество слотов и вариативность их заполнения со временем уменьшаются. Русская поэзия тяготеет к конкретизации субъекта – лирического героя; английская – стремится к универсальному выводу («моя судьба» / life соответственно). В обеих традициях заметно влияние религиозного контекста. Для английской словесности характерна жесткость фиксированных моделей и лексическая преемственность, в то время как русская поэзия обнаруживает значительную гибкость. В целом, метафора ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА – ТЕКСТ представляется более актуальной для русской поэзии, чем для английской, где она никогда не являлась доминирующей или хотя бы достаточно разработанной.

Московский государственный университет имени
М. В. Ломоносова
Алтухова О. И., аспирант кафедры английского
языкознания
E-mail: olga.altukhova@gmail.com
Тел.: 8-903-517-41-82

ЛИТЕРАТУРА

1. *Lakoff G. Metaphors We Live By* / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago ; London : The University of Chicago Press, 1980. – 276 p.
2. *Lakoff G. More than Cool Reason : A Field Guide to Poetic Metaphor* / G. Lakoff, M. Turner. – Chicago : The University of Chicago Press, 1989. – 230 p.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой ; Ин-т языкознания АН СССР. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 682 с.
4. *Kövecses Z. Metaphor : A Practical Introduction* / Z. Kövecses. – Oxford University Press, 2010. – 375 p.
5. Official King James Bible Online. – Mode of access: www.kingjamesbibleonline.org
6. *Shakespeare W. The Complete Works of William Shakespeare* / W. Shakespeare. – Mode of access: <http://shakespeare.mit.edu>
7. *Young E. The Complete Works, Poetry and Prose of the Rev. Edward Young, LL.D.* / E. Young. – London, 1854. – 377 p.
8. *Shelley P. B. The Poetical Works of Percy Bysshe Shelley* / P. B. Shelley. – London, 1876. – 250 p.
9. *Yeats W. B. The Collected Works of W. B. Yeats. Vol. II: The Plays* / W. B. Yeats. – N. Y. : Simon and Schuster, 2010. – 960 p.
10. *Yeats W. B. Selected Poems And Four Plays* / W. B. Yeats. – N. Y. : Collier Books, 1966. – 236 p.
11. *Browning R. The Complete Poetic and Dramatic Works of Robert Browning* / R. Browning. – Cambridge, Massachusetts : Riverside Press, 1895. – 1035 p.
12. *Hardy T. The Collected Poems of Thomas Hardy* / T. Hardy. – Herts : Wordsworth Editions, 2008. – 960 p.
13. Национальный корпус русского языка. Основной корпус. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html>
14. Национальный корпус русского языка. Поэтический корпус. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/search-poetic.html>

Moscow State University named after M. V. Lomonosov
Altukhova O. I., Post-graduate Student of the English
Linguistics Department
E-mail: olga.altukhova@gmail.com
Tel.: 8-903-517-41-82